

В префектуре Нанькан согласия среди девяти уездных судей отродясь не водилось. Сбиваться в кучки, выживать неугодных и косо смотреть на чужаков — дело здесь привычное, и четверо, сидевшие за столом Цзян Умяня, как раз и оказались той самой кучкой отверженных, которых заносчивое большинство оттеснило на обочину.

Заговорил Тан Ху, судья уезда Гуантай. К Цзян Умяню он не питал и тени вражды, напротив, в душе его зрела глубокая благодарность. Не перетяни уезд Шаоюань на себя львиную долю беженцев, Гуантай давно бы захлебнулся в этой людской лавине, и самому Тан Ху осталось бы лишь бессильно взирать на то, как его несчастные подданные гибнут от голода и лишений.

Сегодня, когда наконец доставили казенное зерно, у него гора с плеч свалилась. Теперь Тан Ху надеялся разузнать у Цзян Умяня хоть что-то об императорском уполномоченном, ведавшем раздачей помощи: авось удастся нащупать нужные ниточки и выбить для своего уезда долю пощедрее.

В отличие от правителей Пинцина, Тан Ху, пусть и не хватал звезд с неба на государственной службе, по крайней мере, не тиранил подвластный люд. Прознав, что Шаоюань готов принимать обездоленных, он не только не чинил препятствий, но и велел раструбить об этом повсюду, распахнув ворота и лично указывая несчастным путь к спасению.

Цзян Умянь внутренне удивился, но смолчал, подмечая, как на лицах его сотрапезников проступили одинаковая неловкость и растерянность. Когда уездный судья Фан Пин прилюдно пытался смешать его с грязью, эти трое не заступились, однако и поддакивать наглецу не стали. Зачем же они теперь пытаются завязать беседу и ищут сближения? Какую выгоду преследуют?

Смутившись, Тан Ху поднялся и низко поклонился Цзян Умяню, сложив руки в приветственном жесте:

— Господин Цзян, позвольте мне от лица всего простого люда уезда Гуантай принести вам глубочайшую благодарность. То, что в Шаоюане беженцам давали работу, платили звонкой монетой и кормили, спасло тысячи душ от верной гибели. Ваша мудрость и великодушие — истинный пример для всех нас. Не сделайте этого, большинство несчастных просто не дожили бы до сегодняшнего дня. Прошу, примите мой поклон.

Слова его звучали на редкость искренне, без тени привычной чиновничьей фальши.

Цзян Умянь, среагировав мгновенно, подхватил коллегу под локти, не позволяя согнуться в поклоне:

— Моей заслуги здесь мало. Мы лишь исполняли волю губернатора Бая и императорского комиссара Сюэ.

Тан Ху попытался было настоять на своем, но обнаружил, что ладони молодого судьи держат

его крепко. Склониться так и не удалось, и ему пришлось выпрямиться. Горько усмехнувшись, он махнул рукой:

— Нам обоим покровительствуют эти высокие господа, но вот решимости господина Цзяна — его отваги замышлять, действовать и брать на себя ответственность — мне, увы, не достаёт.

Эта вспышка искренности растопила лёд, и беседа потекла свободнее.

Судья, сидевший напротив, поднял чарку:

— Я человек прямой, витиеватых речей вести не умею, так что скажу просто: за ваше здоровье, господин Цзян! А на лай этого старого пса Фана внимания не обращайтесь — пустое бремя, собака лает, ветер носит!

Сидевший по правую руку коллега подлил Цзян Умяню вина и добавил вполголоса:

— Господин судья, Лао Лю хоть и выражается грубо, но дело говорит. Вы близко к сердцу слова Фан Пина не принимайте. У нас тут половина уездов исходит завистью, глядя, как в Шаоюане серебро и зерно текут рекой. Такая щедрость им и во сне не снилась — локти кусают, аж глаза кровью наливаются.

Шутка ли — после конфискации имущества мятежников целых сорок процентов осталось в казне уезда, пусть даже шестьдесят ушло на нужды армии!

В чиновничьих кругах только и шептались о неожиданном богатстве новоиспеченного судьи. Никто и помыслить не мог, что он без колебаний спустит всё до последнего медного гроша на нужды грязной толпы беженцев! Сплетни кружили одна нелепее другой: одни уверяли, будто юноша смекнул, что удержать эти деньги всё равно не удастся, и решил раздать их ради дешевой славы; другие качали головами, называя его незрелым юнцом, который пошел на поводу у глупых порывов...

Но сидевший рядом уездный судья лишь уважительно кивнул:

— Господин Цзян судит беспристрастно и радуется о народе, для жителей Шаоюаня он — истинное благословение.

Чарка была налита от всей души. В глазах этих заброшенных на окраину чиновников Цзян Умянь представал человеком кристальной честности — скромным, не ищущим славы благородным мужем, который разительно отличался от лицемерного ничтожества Фан Пина.

Сам Цзян Умянь быстро смекнул, что за этим столом собрались злейшие враги его недоброжелателя. Из девяти судей префектуры Фан Пин умудрился настроить против себя четверых.

— Неужели господин Фан имеет за спиной столь надежную опору, раз ведет себя так заносчиво? — негромко поинтересовался Цзян Умянь.

Тан Ху, хоть и понимал, что их компания сидит поодаль от остальных гостей, всё равно боязливо огляделся и понизил голос до шепота:

— Господин Цзян, вы человек в наших краях новый и многого не знаете. В префектуре Нанькан наш префект Ли Мин — фигура чисто номинальная, государственными делами заниматься не любит. Всем заправляет его советник Цянь. А Фан Пин с этим пронырой — водой не разлить. Вот нам и приходится... Эх, да что говорить.

«Префект умывает руки? Все решает какой-то советник?»

В мыслях Цзян Умяня мгновенно сложился узор. Он спросил:

— Значит, и назначение помощников судьи тоже в ведении советника Цянь?

— Да абсолютно всё! От мала до велика! — Тан Ху выговорил это слово с такой яростной горечью, что сомнений не оставалось: натерпелся он от всевластного советника сполна.

«Значит, палки в колеса мне вставлял вовсе не префект, а советник Цянь на пару с Фан Пином».

Каковы бы ни были их мотивы, отныне оба эти господина заняли почетные места в мысленном списке врагов Цзян Умяня — прямо рядышком с регистратором Ян Линем.

Фан Пин и советник Цянь сидели высоко в префектуре, до них пока не дотянуться, а вот Ян Линь гадил прямо под носом, в самом Шаоюане. С этим змеенышем следовало покончить как можно скорее, пока он не натворил дел. Просто сослать его переписывать пыльные архивы и держать подальше от реальной власти — полумера. В Шаоюане планировалось развернуть строительство крупного металлургического завода, и любые утечки или диверсии могли погубить проект в зародыше. Нужен был верный способ поймать негодяя за руку, выявить серьезную провину и избавиться раз и навсегда.

Пока Цзян Умянь обдумывал план действий, Тан Ху снова подался вперед:

— Господин Цзян, а не доводилось ли вам разузнать... к чему благоволит господин императорский уполномоченный? Какие у него слабости?

«Любовь к золоту сойдет за слабость? Или то, что он каждое утро обнимает фигурку чудища-пищу и молится на нее, окуривая благовониями?» — с каменным выражением лица подумал Цзян Умянь.

Вслух же он ответил предельно сухо:

— Императорский комиссар Сюэ расположился лагерем за городскими стенами и показывается редко. Мне его привычки неведомы.

— Эх... — разочарованно вздохнул Тан Ху. Найти подход к грозному императорскому комиссару Сюэ не получалось, связей не хватало, а господин Се Сяо, хоть и казался мягким человеком, в вопросах распределения продовольствия голоса не имел. — Чует мое сердце, львиную долю присланного зерна опять заграбастает этот старый лис Фан Пин. Нам же достанутся жалкие крохи, только пыль глотать. Придется уповать на будущий урожай...

— Дело еще не решено, нечего раньше времени каркать и поминать этого упыря! — взорвался вспыльчивый судья Лю, у которого обида на Фан Пина копилась годами. — Если этот мерзавец посмеет вылезти со своими требованиями, я самолично пойду к императорскому уполномоченному и выложу всё как есть! Пусть сам сгину, но эту тварь за собой в могилу утащу!

Лао Лю терпел Фан Пина больше десяти лет, сам давно заслужил авторитет и почтенную седину — с какой стати ему теперь пресмыкаться?

— Тише, почтенный брат, не горячитесь, — вмешался сосед Цзян Умяня справа, пытаясь умирить пыл коллеги. — Решение еще не принято. Если судить по справедливости, уезд господина Цзяна пострадал сильнее прочих: мало того что мятежники дважды разоряли земли, так еще и беженцы со всей провинции стеклись именно туда. Императорский комиссар Сюэ провел в Шаоюане немало времени, всю подноготную знает лично. Так что исход этого дела еще бабушка надвое сказала.

И то правда: императорский комиссар Сюэ Вэнь долго стоял лагерем под Шаоюанем, и ни один беженец не мог ступить за городскую черту без его ведома. Он прекрасно осознавал масштабы бедствия и видел, сколько ртов приходится кормить молодому судье. Вполне вероятно, что казенное зерно распределят честно.

— Распределение помощи доверено императорскому комиссару Сюэ, так что нам остается лишь запастись терпением, — спокойно произнес Цзян Умянь. Но тут же перевел разговор на слова Тан Ху: — Однако если господин Тан действительно желает повысить сборы зерна в своем уезде, у меня найдется для вас одно решение. Потребуется лишь немного вашего времени после обеда — совершим небольшую прогулку.

Собеседники переглянулись в недоумении.

— Позвольте спросить, господин Цзян, о каком способе идет речь? — с любопытством спросил Тан Ху.

О чем же еще? Разумеется, о новом плуге для заливных полей, способном распахивать пустоши

с невиданной быстротой!

К концу обеда лед окончательно растаял, и четверо судей расстались почти приятелями. Как раз когда они вместе направлялись к выходу, со второго этажа спустился Фан Пин в окружении своих прихлебателей. Мазнув по Цзян Умяню презрительным взглядом, он демонстративно хмыкнул и попытался протиснуться вперед, к дверям.

Однако, едва переступив порог, Фан Пин застыл как вкопанный. Его спесь мгновенно испарилась, спина угодливо согнулась в глубоком поклоне:

— Приветствую вас, почтенные господа!

С чего бы это помощнику комиссара Се Сяо заявляться сюда, да еще и в сопровождении префектов? Неужели решили объявить о распределении зерна прямо сейчас?

Цзян Умянь стоял чуть позади. Слегка подавшись в сторону, он поймал на себе взгляд Се Сяо. Тот едва заметно подмигнул и заговорщически кивнул, сделав вид, будто жест вышел случайным.

«Значит, пришел за мной? Но к чему эта спешка и театральность среди бела дня? И где носит Сюэ Вэнь?»

Се Сяо тем временем приветливо улыбнулся собравшимся:

— Прошу прощения за внезапное вторжение, господа чиновники. Мне спешно понадобился уездный судья Цзян. Он еще здесь?

Лицо Фан Пина перекосило от досады.

«Опять этот проныра Цзян! В каждую щель пролезет, сукин сын! Нигде от него спасу нет!»

В голове его завертелись лихорадочные мысли. Цзян Умянь ведь прибыл с севера, да и род Се Сяо уходит корнями в те же края. Неужели эти двое знали друг друга задолго до назначения в Нанькан?

Пока Фан Пин изводил себя подозрениями, Цзян Умянь спокойно шагнул вперед:

— Господин помощник комиссара, я здесь.

Се Сяо радушно кивнул:

— Наш императорский комиссар Сюэ упомянул в беседе, будто у господина Цзяна имеется диковинное орудие, способное пахать по три борозды разом. По его словам, штука эта в скорости не уступает изогнутому плугу, а землю берет так глубоко, что сразу обнажает влажные пласты. Меня сие известие весьма заинтриговало, вот я и решил расспросить вас лично.

Слова чиновника прозвучали подобно грому среди ясного неба. Все застыли, переваривая услышанное.

«Три борозды разом? Разве такое возможно?»

Среди собравшихся хватало всякого люда: был тут и префект Ли Мин, который в хозяйстве смыслил не больше, чем свинья в апельсинах, но присутствовали и толковые чиновники, из тех, кто не понаслышке знал тяготы крестьянского труда.

Каждый грамотный управитель держал цифры в голове: обычный изогнутый плуг берет одну борозду и справляется с му земли за два шичэня — великое облегчение по сравнению со старыми тяжелыми орудиями, на которые уходил чуть ли не весь день. Но чтобы существовал плуг, идущий с той же скоростью, но охватывающий три борозды одновременно?! Это же троекратная экономия времени и сил!

Тан Ху вспомнил недавние слова Цзян Умяня за столом, и сердце его застучало частыми ударами. Неужели молодой судья не шутил и эта чудо-машина действительно существует?!

Судьи уездов взволнованно зашептались, обсуждая новость вполголоса. Даже самые ленивые из них прекрасно понимали, какие выгоды сулит подобное новшество. Высшие чины префектуры, прослышавшие об этом за обедом от самого Сюэ Вэня, пребывали в некотором смятении: верить авторитету комиссара приходилось, но здравый смысл бунтовал. Никто из них в глаза не видел ничего расторопнее привычного изогнутого плуга. Как может одна упряжь тянуть три лемеха? Не связали же они, в самом деле, три плуга веревками?

Цзян Умянь и бровью не повел. Он как раз собирался продемонстрировать свое детище Тан Ху и его спутникам, так какая разница, сколько у него будет зрителей? Пусть смотрят все.

— Орудие находится на заднем дворе уездной управы, — спокойно произнес он. — Прошу вас, господа, следуйте за мной.

Уездная управа Шаоюаня

В это время в самой уездной управе Шаоюаня царил суматошный переполох. Советник Цзян Цю носился по коридорам, на ходу раздавая пинки и указания ошалевшим стражникам:

— Всю облезлую рухлядь, все шаткие лавки и столы — тащите сюда! Если не хватит, трясите советника Чжао, пусть выдаст из своих запасов!

— Наденьте самые заношенные, линялые халаты! У кого нет — бегите к соседям, просите старье не по размеру! Живее!

— Господин советник, у Чжао Чэна нормальные табуреты кончились! Остались только грубые, неотесанные чурбаки, даже лаком не покрытые! — взмолился запыхавшийся слуга.

— Тащите эти чурбаки! Тем лучше! — отрезал Цзян Цю.

Лицо его оставалось суровым, а приказы сыпались один за другим, заставляя челядь крутиться волчком.

Когда они только прибыли в уезд, управа являла собой жалкое зрелище: сквозь прорехи в крыше хлестал дождь, красная краска на воротах облупилась до серой древесины, а внутренний двор зарос бурьяном по пояс. За последнее время усилиями нового судьи здание мало-мальски привели в порядок, и в нем затеплилась жизнь. Однако сейчас эту жизнь требовалось спешно придушить, выставив напоказ лишь одну неоспоримую добродетель уезда — вопиющую нищету.

Управа должна была выглядеть так, словно здесь годами сосали лапу. Бедность — лучший щит от провинциальных поборов!

Потому-то, когда высокие гости переступили порог уездной управы Шаоюаня, их глазам предстало удручающее пепелище: обшарпанные стены, хромая мебель и стражники, облаченные в залатанное тряпье.

Пока недоверчивые чиновники гадали, не разыгрывают ли их, Цзян Умянь невозмутимо увлек процессию через полутемный зал во внутренний дворик. Там, среди невыкошенной сорной травы, высились стены хозяйственных построек, чья дешевая глиняная обмазка давно потрескалась, обнажив серую солому.

Всякому стало ясно: в этом захолустье на ремонт казенных зданий не потратили ни единого медного гроша.

Се Сяо нахмурился еще у главных ворот, а теперь и вовсе не выдержал. Повернувшись к префекту Ли Мину, он спросил с явным упреком:

— Господин префект, неужели казна вашей префектуры настолько пуста, что вы не в состоянии выделить крохи на починку уездной управы?

Сам Ли Мин понятия об этом не имел.

Он даже не помнил прошений Цзян Умяня о выделении серебра на ремонт амбаров — все вести о Шаоюане доходили до него исключительно через третьи руки, и то лишь после того, как сюда прибыл грозный императорский комиссар. Впрочем, префект отличался редким бесстыдством и, напустив на себя скорбный вид, поспешил скорбно развести руками, принимая упрек как должное.

Стоявшие рядом чиновники лишь тихонько выругались сквозь зубы, дивясь изворотливости этого старого проныры.

Сам Цзян Умянь при виде преобразившейся управы на мгновение запнулся, но быстро совладал с собой. С самым благородным и невозмутимым видом он прошествовал во двор и велел слугам выкатить новое пахотное орудие.

— И это вы называете плугом? — усомнился кто-то из толпы, когда стражники бережно опустили на землю угловатую деревянную конструкцию из брусьев и крепежей.

Чиновники обступили диковину, разглядывая ее со всех сторон. С виду она казалась неуклюжей и громоздкой — неужели эта махина способна сдвинуться с места?

— Пустые споры делу не помогут, — ровным голосом пресек сомнения Цзян Умянь. — Поле — лучший судья для любого плуга.

Он распорядился привести старого казенного буйвола, и вся напыщенная кавалькада потянулась к пашне за окраиной города.

Сцена казалась точным повторением вчерашнего испытания, разве что вместо удивленных крестьян у края борозды теперь толпились разодетые в шелка чиновники префектуры.

Но стоило буйволу сделать первый круг, легко утягивая за собой послушное орудие, оставляющее за собой три ровных глубоких следа, как Тан Ху потерял всякое самообладание. Схватив Цзян Умяня за рукав, он воскликнул с неподдельным жаром:

— Брат Цзян! Сколько стоит сработать такую диковину? Запиши за мной десяток, плачу вперед!